

УДК 316.77

**КОНЦЕПЦИИ И МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИИ В
СОВРЕМЕННОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ**

А.В. Колмогорова

Новокузнецкий филиал ТПУ

E-mail: nastiakol@mail.ru

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин НФ ТПУ.
E-mail: nastiakol@mail.ru
Область научных интересов: когнитивная лингвистика, теория коммуникации, дискурс-анализ.

Рассматриваются основные тенденции в определении природы и сущности коммуникации в современном гуманитарном знании. Анализируются ключевые метафоры, используемые в лингвистической литературе для описания коммуникативных процессов. Раскрываются перспективы одного из актуальных направлений теории коммуникации – распределенной модели языка.

Ключевые слова:

Коммуникация, когнитивная метафора, речевое общение, распределенная модель языка.

Введение

Целью данной публикации является анализ основных точек зрения на сущность и природу языковой коммуникации, характерных для современного гуманитарного знания, а также обоснование перспективности одного из актуальных направлений теории коммуникации – распределенной модели языка.

Языковая коммуникация или речевое общение?

Для лингвистической традиции в течение долгого времени было характерно разделение и противопоставление языковой коммуникации и речевого общения. Так, отмечается, что термин «коммуникация» используется для «обозначения средств связи любых объектов материального и духовного мира, процесса передачи информации от человека к человеку», а общение – для обозначения межличностного взаимодействия людей при обмене информацией познавательного или аффективно-оценочного характера [1. С. 99]. По сути дела, данное противопоставление восходит к философской доктрине структурализма, где ключевой оппозицией была оппозиция структуры, покоящейся на вневременных отношениях элементов («отношение объективно, оно не зависит от наблюдателя» [2. С. 76]), или синхронии, и вечно мешающего ей, имеющего место в истории, а значит – связанного с конкретным наблюдателем, события, или диахронией. Коммуникация, ассоциируемая с процессом передачи знаний, информации, подразумевает использование лежащего вне времени и вне конкретного наблюдателя кода – языкового или любого другого (азбука Морзе, языки программирования и др.). Предполагается, что в результате операций кодирования/декодирования вложенный смысл будет равнозначен извлеченному. Общение же есть процесс, который локализован исторически и, будучи глубоко персонализирован, тесно связан с ценностным аспектом человеческого существования. Отвечая на вопрос о том, зачем мы говорим, Ю.М. Лотман отметил: «...нам не только важно получить какую-то информацию от другого человека, но важно вступить в контакт, и говорение есть в значительной мере форма контакта» [3. С. 420]. Ключевое слово *контакт* в данном случае порождает целый пучок ассоциативных «выходов»: это и Я-ТЫ присутствие, и конкретное время и место, это и совпадение взглядов на мир и обоюдное желание ими поделиться.

Продолжая противопоставлять коммуникацию и общение в традиционном для лингвистических наук аспекте, мы можем развернуть парадигму вторичных оппозиций: объект коммуникации – значение, объект общения – смысл; основное действие в пределах коммуникации

– кодирование/декодирование, в пределах общения – интерпретация как «работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом» [2. С. 51].

Однако на современном этапе развития теорий коммуникации, психолингвистики, био-семиотики, социолингвистики «круг замкнулся» – противопоставление полюсов таких оппозиций, как структура отношений и событие, язык и речь, коммуникация и общение, потеряло смысл. На одной из последних Международных конференций по проблемам языкового сознания (Тамбов, сентябрь 2011) многократно была озвучена, в основном западными коллегами (в частности, Sunc Vork Steffensen), мысль о том, что лингвистика движется от всех известных и освященных традицией дихотомий в сторону дихотомии язык/не-язык. Движение лингвистической мысли «в сторону» такой холистической концепции общения & коммуникации мы можем проследить, обратившись к динамике и трансформациям ключевых «коммуникативных» метафор в лингвистической литературе.

Коммуникация: метафора контейнера или танца?

Начиная с идей Р. Декарта и заканчивая теорией порождающей грамматики Н. Хомского, а также концепциями многих когнитивных лингвистов так называемого «интерналистского» толка [4], мысль о том, что в языковой коммуникации посредством слов передаются некие внутренние, имманентные существованию человеческого мозга, когнитивные содержания (будь то понятия, значения, концепты – терминология зависит от конкретной школы), присутствовала в большинстве рассуждений о коммуникации. Вездесущая контейнерная метафора, удачно подмеченная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, отметила своей печатью долгий период развития лингвистики и теории коммуникации в частности [5].

Исследователи [6] приводят следующие примеры обыденных представлений о коммуникации, реализующихся) в повседневной речи рядовых носителей английского языка (не-лингвистов):

It's hard to get an idea across to him.

It's difficult to put my ideas into words.

His words carry little meaning.

His words seem hollow.

The idea is buried in terribly dense paragraphs.

В повседневной речи носителей русского языка мы можем встретить аналогичные словопотребления:

Это пустые слова, не более того.

Ему удалось *передать это содержание* в нескольких словах.

«Контейнерная метафора» оказала свое влияние и на лингвистические концепции коммуникации. Так, длительное время среди лингвистов была популярна так называемая информационно-кодовая модель коммуникации Шеннона-Уивера [7]. Эта модель демонстрирует возможности воспроизведения информации на другом конце цепочки благодаря процессу коммуникации, осуществляемому посредством преобразования сообщения, неспособного самостоятельно преодолеть расстояние, в сигналы кода, которые можно транслировать. Шум и помехи в канале могут исказить сигнал и даже перекрыть его. Если канал чист, успех коммуникации зависит от эффективности работы (де)кодирующих устройств и идентичности кода на вводе и выводе. Будучи переложена на модель речевой коммуникации, данная схема подразумевает, что говорящий кодирует свои мысли при помощи фонем в устной речи и графем – в письменной, а слушающий затем с той или иной мерой успешности декодирует данное сообщение, извлекая из него закодированную отправителем информацию. Французский философ Г. Башляр классифицировал такой подход как «вещизм» (*chosisme*) – слова как будто «переносят» нечто: идеи, мысли, чувства.

Однако сбои, которые дает данная модель при описании случаев естественной вербальной коммуникации, породили многочисленные попытки усовершенствовать ее. Так, Р.О. Якобсон [8] предложил несколько модифицированную схему, призванную продемонстрировать то, что на пути от отправителя к получателю сообщение претерпевает воздействие трех силь-

ных факторов: контекста (время и место коммуникации), контакта (эмоциональный настрой собеседника, желание не столько передать информацию, но осуществить «социальные поглаживания») и кода (характер материального субстрата, являющегося носителем кода: напечатанный на компьютере или написанный от руки текст, СМС сообщение, выгравированные на камне буквы или бегущая строка).

Г. Ласвелл [9], добавив элемент «С какими последствиями?» к известной «передаточной» цепочке – Кто говорит? Что говорит? Кому говорит? – превратил контейнерную метафору в «орудийную». Коммуникация получила образ и подобие орудия, способного изменить положение дел.

Однако в последнее десятилетие прошлого века исследователи в области коммуникаций все чаще стали прибегать в разговоре о своем объекте к другой метафоре – метафоре танца.

Одним из первых метафору танца в разговоре о вербальной коммуникации использовал Ю.М. Лотман для объяснения антиномии уникальности каждого коммуникативного контакта и наличия общего между всеми членами коммуникативного сообщества: «Посмотрим, скажем, на танцы. Традиционные народные танцы строятся так же, как и балы: народу много, все танцуют один танец под одну общую музыку, но разбиты на пары. Пара есть минимальная единица потребности человека в человеке. Конечно, можно представить себе, что человек сам по себе собеседник. Это верно, но это уже более сложный случай. Простой, элементарный, основной случай – это пара. Это люди, которые находятся вместе; идеальный случай, предположим, – они любят друг друга. Им хорошо вместе. И все же они, находясь в особых между собой отношениях, находятся и в каком-то общем контакте – в контакте танцующих. Возникает ситуация, которую неоднократно отмечали, когда писали о балах: танцующая пара как бы уединена. Она находится со всеми, и она одна. Она имеет некий микромир, мир интимный, мир исключительно значимый. Вместе с тем она не изолирована от общей атмосферы, она перемещается по залу» [3. С. 466–467].

Несколько позднее в рамках теории автопойезиса метафора КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ТАНЕЦ приобрела концептуальное для всей теории значение: как и танец, коммуникация непрерывна и состоит из повторяющихся коммуникативных «движений», «па», она представляет собой совместную деятельность двух партнеров, направленную на сотрудничество, и, наконец, в этой деятельности ничего не передается – объяснить танец нельзя. Партнеры, наблюдая друг за другом, чувствуя друг друга, совершают совместные действия, результатом которых, зачастую, является нечто новое в опыте каждого, доселе не бывшее, но совместно пережитое «здесь и сейчас» [10].

В ставшей классической работе по когнитивным метафорам [6] Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечали, что метафоре свойственно выдвигать на первый план одни черты сопоставляемых явлений и затушевывать нерелевантные для данного сравнения признаки. Что касается метафоры КОММУНИКАЦИЯ – ЭТО ТАНЕЦ, то здесь оказались на первом плане такие черты данного феномена, как тесная связь между такими процессами, как наблюдение за внешним окружением (танцоры должны постоянно наблюдать за движениями друг друга, за пространством танцпола, за другими парами), движения тела и деятельность мозга. Успешный танец – это не управление друг другом, не передача друг другу каких бы то ни было команд, а гармоничная согласованность действий, основанная на когнитивном механизме предвосхищения будущих действий партнера. Для формирования данного механизма важнейшую роль играет опыт совместного взаимодействия партнеров (не только в танце). Будучи перенесены в сферу коммуникации, данные признаки обусловили реконцептуализацию самого этого понятия и возникновение термина «*languaging*».

Languaging

У. Матурана и Ф. Варела ввели в научный обиход термин, имплицитный динамический и непрерывный характер коммуникативного «танца», – «*languaging*» [11]. Содержание термина, являющегося частью общего контекста теории автопойезиса и претерпевшего немало трактовок, мы интерпретируем следующим образом: базисная для живой системы, коей являет-

ся человек, биологическая функция, состоящая в способности достигать согласованного поведения с другими при помощи использования языковых структур, которые служат активизации уже данных в опыте как конкретного индивида, так и представителей социальной группы в целом, репрезентаций успешных взаимодействий членов группы, происходивших в определенном когнитивном контексте. Важно, что, будучи изъяты из контекста персональной и социальной истории, данные структуры уже не имеют никакого внутреннего содержания [12].

Анализируя *linguaging* (поскольку общепринятых переводов данного термина на русский язык пока не существует, мы будем пользоваться им в его оригинальной, англоязычной, версии, хотя в качестве одного из возможных вариантов русскоязычного перевода можно было бы предложить «речежизненное взаимодействие»), С. Коули отмечает, что в рамках диады «взрослый–ребенок» последний, не обладая врожденным навыком понимания того, что слова что-то «значат», в опыте взаимодействия с тем, кто о нем заботится, научается координировать свое поведение с желаниями и ожиданиями другого, наблюдая за вокализациями, выражением лица, жестикующей, эмоциями последнего. И только затем, гораздо позднее, выработанные навыки и опыт социального взаимодействия позволяют ребенку индуктивно связать определенные формы поведения с определенными стабильными материальными формами – словами [13. С. 45].

Следствием категоризации языковой коммуникации через призму метафоры танца стало признание ее коннотативного, а не денотативного, как постулировалось в рамках эпистемологической парадигмы детерминизма, характера [14]. Иначе говоря, в процессе коммуникации один собеседник не отсылает другого к некому существующему независимо от коммуникантов объекту посредством слова, которое данный объект обозначает (*denote*), а оба осуществляют процесс совместного означивания (*connote*) какого-либо фрагмента общего для обоих опыта при помощи того или иного материального знака. Так, когда я говорю своей дочери «Пиши красиво», у каждой из нас свое представление о том, что такое «красиво». Нет такого объективного и лежащего где-то в окружающем мире и идентичного для всех «чего-то», что каждый мог бы обозначить через языковую единицу *красиво*. Для меня, относительно письма, это ровные, одинакового размера буквы с четкими и плавными соединениями, для дочери-школьницы младших классов – это начертания, которые хотя бы не выходят за границу верхней и нижней линеек. Однако в нашей совместной деятельности по проверке домашних заданий (с моей стороны) и по их исправлению, переписыванию (со стороны ребенка) мы, в конце концов, обе будем под *красиво* во фразе «Пиши красиво» понимать нечто одинаковое.

М. Томаселло, развивая идеи совместной интенциональности, отмечает: «Способность создавать общий смысловой контекст (совместное внимание, совместный опыт, общие культурные представления) представляет собой абсолютно неотъемлемое измерение человеческой коммуникации, включая языковую коммуникацию, со всеми ее "он", "она", "оно"» [15. С. 29]. Анализируя результаты наблюдения за человекообразными обезьянами и за младенцами, исследователь приходит к выводу о том, что стремление к сотрудничеству и кооперации, мотивированное не только опасностью и желанием выжить, как это принято у обезьян, но и желанием предложить помощь, разделить чувства и эмоции, информировать, является базисом человеческой коммуникации и, одновременно, важнейшей формой *биологического* приспособления, а собственно лингвистические характеристики языка, включая грамматические, конструируются *культурно* (курсив наш. – А.К.) и передаются внутри отдельных сообществ [15. С. 29].

Идея об основополагающем и первичном для языковой коммуникации характере способности человека создавать зону совместного внимания, действия и опыта с другими нашла свое преломление в так называемой «распределенной модели языка», предложенной С. Коули и его коллегами [16–19]. Так, исследователь определяет язык как непрерывную деятельность в реальном времени, в результате которой происходит мягкая сборка мотиваций, предвосхищений и аффективных состояний [20. С. 208]. Наблюдая за взаимодействием матери и младенца четырнадцати недель [17], С. Коули делает вывод о том, что в когнитивном аппарате ребенка репрезентации события или явления окружающего мира возникают – осуществляется «познание мира» – благодаря наблюдениям за поведением взрослого и его аффективными, эмоционально окрашенными реакциями на всякое изменение окружающей среды, а главное – на дей-

ствия и поведение самого ребенка. Благодаря врожденному стремлению к кооперативному взаимодействию с другими, ребенок стремится к получению положительной аффективной реакции взрослого, а для этого необходимо уметь формировать зону совместного внимания и совместной интенциональности и уметь взаимодействовать в рамках совместной активности. Скажем, если ребенок кричит, плачет, мать взглядом, жестом и фонациями (она реализует некие речевые действия) выказывает свое недовольство. Следя за изменениями в поведении матери, младенец пытается получить ее положительную аффективную реакцию и постепенно меняет свое поведение. Перестав кричать, он замечает искомые положительные поведенческие, включая речевые (интонация, характер произносимых звуков, например), реакции. С этого момента сочетание специфических жеста, фонации, выражения лица матери, выказывающих недовольство в ситуации, когда ребенок кричит, устойчиво ассоциируются у ребенка с необходимой для устранения данной неприятной для него ситуации линией поведения. В возрасте 12–14 месяцев ребенку будет уже достаточно одной фонации матери для того, чтобы требуемым образом изменить свое поведение. Таким образом, языковая форма становится удобным ограничителем для определенного фрагмента поведенческого континуума в сознании и опыте ребенка. В одной из своих лекций (Иркутск, июнь 2010) С. Кули, оперируя терминами «*language*» и «*linguaging*», отметил, что «собственно языки (*languages*) есть абстрагированные от процесса речежизненного взаимодействия (*linguaging*) формы, вторичные по своей природе системы ограничителей, созданные для ориентирования в "здесь – и – сейчас" ситуативно обусловленных практиках смыслопорождения».

Последняя из вышеописанных моделей коммуникации открывает новые перспективы для лингвистики, поскольку «снимает» ряд характерных для языкознания противопоставлений, например, язык/речь, общение/коммуникация, и создает основы для изучения вербального взаимодействия в рамках лингвокультуры/культур как целостного феномена.

Заключение

В качестве заключения отметим, что, проанализировав основные тенденции в определении природы и сущности коммуникации в современном гуманитарном знании, мы считаем обоснованным констатировать факт смены ключевой когнитивной метафоры, концептуализирующей представления лингвистов о данном научном объекте. Выявленный факт, в свою очередь, свидетельствует о формировании в современном гуманитарном знании новой модели коммуникации, основными принципами организации которой являются холистичность и междисциплинарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: Учебник для вузов / под ред. А.П. Садохина. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2002. – 352 с.
2. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / Пер. с фр., вступ. ст. и комм. И.С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.
3. Лотман Ю.М. Воспитание души. – СПб.: Искусство СПб, 2005. – С. 414–470.
4. Harris R. Introduction to Integrational Linguistics. – Oxford: Pergamon, 1998. – 178 p.
5. Демьянков В.З. Семантические роли и образы языка // Язык о языке: сб. статей; под общим руководством и редакцией Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 193–270.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. – Chicago: The University of Chicago Press, 1980. – 256 p.
7. Shannon C., Weaver W. The Mathematical Theory of Communication. – Urbana, 1949. – 270 p.
8. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

9. Лассвелл Г. Структура и функции коммуникации в обществе // Русский Гуманитарный Интернет Университет. 2002. URL: <http://www.vusnet.ru/biblio/archive/> (дата обращения: 25.09.2011).
10. Krippendorff K. The Annenberg School for Communication // *Cybernetics & Human Knowing*. – 1993. – № 2/1. – P. 3–25.
11. Maturana H., Varela F. *The Tree of Knowledge – The Biological Roots of Human Understanding*. – Boston: Shambala Publications, 1987. – 265 p.
12. Maturana H. *Ontology of Observing. The biological foundations of self consciousness and the physical domain of existence* // American Society For Cibernetics Conference: Conference Workbook: Texts in Cybernetics. – Felton, CA, 1988. URL: <http://www.inteco.cl/biology/ontology/> (дата обращения: 25.10.2011).
13. Cowley S.J. *Languaging: How humans and bonobos lock on to human modes of life* // *International Journal of Computational Cognition*. – 2005. – № 3/1. – P. 44–55.
14. Mingers J. *The cognitive theories of Maturana and Varela* // *Systems Practice*. – 1991. – № 4. – P. 319–338.
15. Томаселло М. *Истоки человеческого общения* / Пер. с англ. – М.: Языки русской культуры, 2011. – 328 с.
16. Cowley S.J. *Simulating others: the basis of human cognition?* // *Language Sciences*. – 2004. – № 26/3. – P. 273–299.
17. Cowley S.J. *Bridges to history: biomechanical constraints in language* // Love (ed.) *Integrational linguistics and history*. – London: Routledge, 2006. – P. 200–223.
18. Cowley S.J. *Distributed language and dynamics* // *Pragmatics & Cognition*. – 2009. – № 17 (3). – P. 495–507.
19. Perry M. *Distributed cognition* // Carroll JM (ed.) *HCI models, theories, and frameworks: toward an interdisciplinary science*. – San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers, 2003. – P. 193–223.
20. Коули С.Дж. *Понятие распределенного языка и его значение для волеизъявления* / Пер. с англ. А.В. Кравченко // *Studia linguistica cognitiva*. – Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 192–227.

Поступила 24.11.2011 г.